

Правовая природа третейского соглашения*

В. Н. АНУРОВ, кандидат юридических наук

Процессуальные элементы третейского соглашения

Как и в случае с договорной теорией, процессуальные элементы третейского соглашения наиболее широко представлены в теории, в названии которой сконцентрирована ее главная идея. Акцент делается на третейское разбирательство, представляющее механизм исполнения третейского соглашения. Последнее рассматривается как средство, при помощи которого третейский суд осуществляет свою специфическую деятельность и занимает особое место в правовой системе.

Рамки настоящего исследования не позволяют раскрыть все положения процессуальной теории, связанные с определением статуса третейских судей и отождествлением третейского разбирательства с правосудием. Данные вопросы требуют самостоятельного изучения и поднимают проблемы в отношении третейского разбирательства как правового явления в целом. Задача сейчас — установить взаимосвязь между процессуальными отношениями всех участников третейского разбирательства и правовой природой третейского соглашения. Каким образом действия третейских судей, сторон при разрешении их спора составом третейского суда, которые, на первый взгляд, очень похожи на действия участников судебного процесса, могут отразиться на квалификации третейского соглашения? Достаточно ли оснований относить данное соглашение к процессуальной области и оценивать его только с точки зрения процессуальных принципов и правил? Все эти вопросы, как в случае с договорной теорией, требуют не простых, однозначных ответов. Они предвзвешивают скрупулезное взвешивание преимуществ и недостатков, содержащихся в объяснениях, которыми изобилуют теоретические конструкции сторонников договорной или процессуальной теории. Сложность современного правового регулирования вопросов, стоящих на стыке различных отраслей права, вообще исключает способы решения теоретических проблем с помощью приемов и методов, основанных на установлении тождественности правовых явлений. Только проведение аналогий может примирить противоположные точки зрения и способствовать становлению единого представления о правовой природе третейского соглашения. К сожалению, процессуальная теория в ее классическом виде содержит положения, носящие категоричный характер. В обзоре А. Д. Кейлина центральное место занимает высказывание Корниэт Фойера, называющего деятельность третейского суда третейским правосудием, носящим, как и государственное правосудие, судебный характер¹. В процессе осуществления третейскими судьями своих полномочий ими выполняются действия, имеющие общие черты с деятельностью государственных судей:

* Начало см.: Третейский суд. 2008. № 5. С. 91–103.

¹ Подробнее см.: Кейлин А. Д. Судостроительство и гражданский процесс капиталистических государств. Ч. 3. Арбитраж. М., 1961. С. 47.

разрешение спора между сторонами, соблюдение определенных правил процедуры, применение норм права. По мнению сторонников процессуальной теории, речь идет о делегировании публично-правовой функции по отправлению правосудия третейским судам. Такая добровольная передача полномочий от государственного органа частным лицам должна быть обусловлена единственным ограничением — необходимостью соблюдения специальных требований, закрепленных в законодательстве суверенного государства.

В отличие от договорной теории, основанной на единстве двух составляющих деятельности третейского суда: третейского соглашения и третейского решения, процессуальная теория направлена на их разделение. Если в первом выражена воля сторон, направленная на передачу спора в третейский суд, то во втором — воля третейских судей, действующих независимо от сторон. Для иллюстрации данного тезиса обычно приводят высказывания Пийе, подчеркивающего полную свободу состава третейских судей от воли сторон и отсутствия какой-либо взаимосвязи между особенностями формирования волеизъявления, выраженного в третейском соглашении и третейском решении². Кроме того, в третейском соглашении выделяется ряд особенностей, отличающих его от всех других гражданско-правовых сделок. Речь идет о дерогационном эффекте и принципе делегирования.

Как уже было сказано, наличие схожих черт между третейским разбирательством и судебным процессом является предпосылкой для сравнения деятельности третейского суда с публично-правовой функцией, осуществляемой государственными судами. Дерогационный эффект третейского соглашения только подчеркивает это сходство и исходит из того, что исключение судебной юрисдикции возможно только в результате применения процессуальных средств, одним из которых является обращение к юрисдикции других органов — третейских судов. Процессуальные последствия данного соглашения оттеняют другие его гражданско-правовые элементы, выражающиеся в общеизвестном праве сторон определять порядок проведения третейского разбирательства и принципе добровольности при заключении третейского соглашения. Тем самым, исключение юрисдикции государственных судов занимает более важное положение при определении предмета третейского соглашения, нежели права и обязанности сторон по его исполнению. Решение третейского суда рассматривается как «акт юрисдикции» (А. Лене)³.

Принцип делегирования подразумевает передачу полномочий государственного суда третейскому суду. Таким образом, первостепенную роль в определении

² В переводе Л. П. Ануфриевой речь идет об отсутствии влияния третейского соглашения на третейское решение: «Арбитражное соглашение должно предоставлять арбитрам полномочия, но как только эти полномочия предоставлены, арбитраж уже действует в пределах задач, поставленных перед ним, и обладает при этом абсолютной свободой, а арбитражное соглашение больше не имеет никакого влияния на вынесенное арбитражное решение». См.: Ануфриева Л. П. Международное частное право. Трансграничные банкротства. Международный коммерческий арбитраж. Международный гражданский процесс. М., 2001. С. 141. В переводе А. Д. Кейлина особое внимание уделяется различию в психологическом отношении участников третейского разбирательства к совершаемым им действиям: «Арбитражное соглашение необходимо для того, чтобы арбитры были наделены выполняемыми ими функциями, но после того, как соответствующие функции были возложены на них, арбитры. Поскольку они придерживаются условий их назначения, обладают полной свободой и соображения, обусловившие заключение арбитражного соглашения, не имеют никакого значения при вынесении арбитражного решения, которое основывается на совершенно иных мотивах». См.: Кейлин А. Д. Указ. соч. С. 49.

³ Ануфриева Л. П. Указ. соч. С. 141.

статуса третейского соглашения в результате регулирования системы. Для соглашения норм или их применения. Стороны, которые стороны, которые общеизвестны процессуальной теории закреплены соблюдения судов и об извечном при выборе квалификации способствует для обоснования самого вопроса вне рамок существования развитую систему судье, взятых са, предваря наследника в Адониса, ока

Несмотря на процессуального держку данного третейского суда в рамках гражданского существу по уверке со стороны вило имеет истинно действительным по вопросу не должен отна том основании суда по существу третейского правовая система Для достигнень третейские судьи исполнении ил

⁴ Подробнее см.: Г. звание Л. П. Ануфриева добровольно избираются восходят к эпохе

Отказ государственных судов от осуществления контроля над третейскими судьями в этой части гарантирует эффективность существования третейского разбирательства как способа разрешения споров. Судебное вмешательство, в основном, сводится к осуществлению упрощенной процедуры признания и исполнения третейских решений, иногда называемой процедурой выдачи экзекватуры. Применение искового порядка в этом случае расширяет судебные полномочия и может служить основанием для отрицания вышеуказанного правила о недопустимости пересмотра решений третейского суда по существу, которое рассматривается как документ, фиксирующий заключительную стадию исполнения договора и, значит, содержащий в себе все его существенные признаки. Следование данному подходу означает дублирование функций третейского суда государственным судом, что неминуемо приведет к утрате смысла в проведении третейского разбирательства.

В обзоре А. Ф. Волкова критический анализ процессуальной теории связан, в основном, с договором о третейском суде (*compromissum*), нежели с договором между сторонами и третейскими судьями (*receptum*). Ссылаясь на Альтерната, А. Ф. Волков наглядно показывает, как путем выделения процессуальных элементов смещается акцент в пользу процессуальной квалификации третейского соглашения: отсутствие влияния данного соглашения на развитие отношений в рамках гражданско-правового договора, эффективность судебной процедуры при исполнении третейского решения и отсутствие правовых гарантий при его добровольном исполнении, использование специальной терминологии процессуального права в предмете третейского соглашения, указывающей на разрешение, а не на урегулирование спора⁵.

Попытки сторонников процессуальной теории вместить третейское соглашение в один из видов соглашений, традиционно называемых процессуальными, встречают критику как в их собственном лагере, так и, естественно, в лагере сторонников договорной теории, к которой причисляет себя сам А. Ф. Волков. Вызывает интерес формулирование критериев, по которым процессуальные соглашения отличаются от гражданско-правовых. Сам факт заключения частными лицами договора еще не дает право рассматривать его в качестве гражданско-правового. По мнению Колера, для квалификации договора как процессуального необходимо лишь установить причинную связь между его заключением и прямыми процессуальными действиями, на которые направлен данный договор. Критериями для Гайюма являются временной показатель, указывающий на заключение соглашения в ходе судебного процесса или совершения одной из сторон процессуального действия — предъявления иска, а также специальная форма, установленная процессуальным законодательством. Поэтому им отвергается мысль о сходстве третейского соглашения с пророгационным соглашением.

Особое место в процессуальной квалификации третейского соглашения занимает сравнение его с новацией. Если не обращаться к исторической ретроспективе, может показаться странным использование гражданско-правового института как одного из видов процессуального соглашения. На самом деле, речь идет об одной из особенностей гражданского процесса в Древнем

⁵ Волков А. Ф. Торговые третейские суды. Историко-догматическое исследование. (1913) // Третейский суд. 2001. № 5/6. С. 90–92.

Риме — *litis c* процессуальн
судье и призы
подлежащих у
эту формулу п
прав в процесс
имевшей ширс
оговорки закл
вынесении тре

Конечно ж
тельств, имеют
гражданским з
ну материальн
применение те
третейского р
сторона, намер
средства судеб
т. к. процессуа
сослаться на н
ния государств
заложенные в
в современном

Отголоски
соглашения на
и догадки учел
в рамках суще
сторонниками
ключается в ус
внутренних пр
Однако в этом
процессуалист
деятельность г
и, следовательно
и созданным и
ности проведен
актуальной пр
сти, третейско

Как и в обз
соглашения пр
ального согла
метить осторож
предоставляю
шений путем з
германской до
Гельвига, подве

⁶ Подробнее см.: А.
Вопросы теории
⁷ Подробнее см.: В

Риме — *litis contestacio*⁶. Взамен материальных прав стороны получают процессуальные права, воплощаемые в формуле, адресованной претором судье и призывающей последнего вынести решение на основании фактов, подлежащих установлению в ходе судебного расследования. Майер называл эту формулу приговором *in hypothesis*⁷. Идея трансформации материальных прав в процессуальные также содержится в оговорке *Scott v. Avery*, когда-то имевшей широкое применение в коммерческом праве Англии. Смысл данной оговорки заключался в том, что основание иска у сторон возникало лишь при вынесении третейского решения.

Конечно же, институт новации подразумевает трансформацию обязательств, имеющих одну отраслевую принадлежность и, значит, регулируемых гражданским законодательством. Распространение данного института на замену материальных прав процессуальными не корректно. Однако неправильное применение термина не должно нивелировать процессуальную особенность третейского разбирательства как социального явления. Недобросовестная сторона, намеревающаяся нарушить третейское соглашение, не сможет найти средства судебной защиты своих прав, возникающих из основного договора, т. к. процессуальное законодательство предоставляет другой стороне право сослаться на наличие третейского соглашения как на основание для признания государственным судом отсутствия своей юрисдикции. Тем самым, идеи, заложенные в *litis contestacio*, оговорке *Scott v. Avery*, находят свое отражение в современном законодательстве о третейских судах.

Отголоски приведенной дискуссии о процессуальной природе третейского соглашения находят свое отражение и в российской современной науке. Идеи и догадки ученых прошлого столетия получили теоретическое обоснование в рамках существующих понятийного аппарата и методологии, используемых сторонниками традиционной школы процесса. Преимущество их подхода заключается в устоявшейся системе принципов, исключающей возникновение внутренних противоречий между правовыми дефинициями и институтами. Однако в этом преимуществе кроется и ключевой недостаток методологии процессуалистов. Сделанные ими выводы охватывают лишь специальную деятельность государственных органов — отправление судебного правосудия, и, следовательно, не могут применяться к видам деятельности частных лиц и созданным ими образований. Лишь с определенными оговорками о возможности проведения некоторых аналогий позиция процессуалистов становится актуальной при исследовании других способов разрешения споров, в частности, третейского разбирательства.

Как и в обзоре А. Ф. Волкова, процессуальную квалификацию третейского соглашения предваряет установление отличительных признаков процессуального соглашения. Прежде чем раскрывать их содержание, необходимо отметить осторожное отношение процессуалистов к диспозитивным правилам, предоставляющим право сторонам влиять на развитие процессуальных отношений путем заключения соглашения. Иллюстрируя историческое развитие германской доктрины по этому вопросу, Н. Елисеев приводит высказывание Гельвига, подвергающего сомнению допустимость процессуальных соглашений

⁶ Подробнее см.: Ануров В. Н. Юридическая природа международного коммерческого арбитража. Вопросы теории и практики. М., 2000. С. 22.

⁷ Подробнее см.: Волков А. Ф. Указ. соч. С. 94.

в связи с существованием общего процессуального принципа о запрете на конвенционный процесс как противопоставление гражданско-правовому принципу автономии воли сторон⁸. В качестве альтернативы выступают односторонние действия сторон, совершаемые не в отношении друг друга, а направленные в адрес государственного суда, играющего ключевую роль в установлении их прав и обязанностей. Хотя данный подход со времен бы пересмотрен в германской доктрине, сам факт его существования оказал влияние на содержание диспозитивных норм процессуального права. Сравнивая эти нормы с нормами гражданского законодательства, в которых закреплен принцип диспозитивности, нельзя не отметить одну особенность. Сдерживающие механизмы, ограничивающие свободу сторон, в большей степени проявляются в процессуальном праве, нежели в материальном праве. В качестве причин можно привести позицию Баумгартеля и Хеземайера в интерпретации Н. Елисеева о необходимости защиты стороны от преждевременных и необдуманных действий, которые в отличие от гражданского права труднее исправить в силу наделения судебного решения свойством окончательности и неоспоримости⁹.

Российская школа традиционного процесса устанавливает целый ряд признаков процессуальных отношений. Среди них особое внимание следует уделить особой процессуальной форме, в которую облакаются данные отношения¹⁰. Эта форма подразумевает формализацию поведения участников судебного процесса, что неминуемо приводит к ограничению свободы сторон при реализации ими своих прав. Не случайно в названии общего метода процессуального права первое место отведено императивности, а не диспозитивности, как в гражданском праве.

При попытках дать правовую квалификацию договорам, занимающим «пограничное положение» в силу исторических причин, под прицелом критики в первую очередь оказываются именно те особенности правоотношений, возникающих в связи с заключением и исполнением данных договоров, которые служат индикаторами, указывающими на их отраслевую принадлежность. Поэтому неудивительно, что отличительные черты процессуальных отношений полностью игнорируются учеными, использующими материально-правовой подход в своих теоретических конструкциях. В качестве примера можно привести современные исследования в отношении мировой сделки и мирового соглашения. Не вдаваясь в дискуссию о правомочности смешения данных понятий или установления видовой подчиненности между ними, интересно заметить, что предпосылки для расхождения взглядов между учеными, специализирующимися в этой области права, лежат в различной отраслевой квалификации исследуемых договоров. М. А. Рожкова, придавая мировой сделке гражданско-правовой характер, основывается на российской дореволюционной доктрине и судебной практике. Отправной точкой для придания материально-правовой квалификации данному институту послужило решение Кассационного департамента Правительствующего Сената 1869 года о запрете выдачи исполнительного листа на основании мировой сделки и необходимости

подачи нового и
ладал процессу
регулируем
Современное р
ний в этот подх
фикации миро
конструкциях ;
критике процес
с заключением
кова считает не
ством правило
части определе
в мотивировоч
ющую никаког
сделке¹³, не пр
о спорности за
к процессуальн
суальной форм
отношений. Эт
соглашением и
сание этой связ
нения в них гра
в области доктр
не об исправле
соглашения, а
характеристик
вопорядка. В ч
дающего миро
силой. Перечен
не позволяет о
которой обрем
Процессуальн
требований к е
ляемым к суде
безусловность,
ным судом мир
препятствующ
способность стор
недопустимост
допустимость
особенности ц

⁸ Елисеев Н. Допустимость процессуальных договоров в российском и зарубежном праве // Хозяйство и право. 2007. № 8. С. 50.

⁹ Подробнее см.: Елисеев Н. Указ. соч. С. 50, 52.

¹⁰ Подробнее см.: Чечина Н. А. Гражданские процессуальные отношения. Л., 1962.

¹¹ Подробнее см.: Р
Приложение. 200

¹² «Представляется
содержание посл
части, а в мотиви

¹³ Подробнее см.: Р
1970. С. 146.

¹⁴ Рожкова М. А. Ук

подачи нового иска для ее исполнения¹¹. В советском праве, напротив, возобладал процессуальный подход к этой проблеме, что выразилось в правовом регулировании только судебной мировой сделки — мирового соглашения. Современное российское право не внесло каких-либо существенных изменений в этот подход. В связи с этим сторонники материально-правовой квалификации мировой сделки вынуждены игнорировать в своих теоретических конструкциях действующее процессуальное законодательство и подвергать критике процессуальные особенности правоотношений, возникающих в связи с заключением и исполнением мирового соглашения. В частности, М. А. Рожкова считает некорректным предусмотренное процессуальным законодательством правило об изложении условий мирового соглашения в резолютивной части определения о его утверждении, предлагая фиксировать данные условия в мотивировочной части¹². Разрушить конструкцию Р. Е. Лукасяна, не оставляющую никакого места элементам гражданско-правового договора в мировой сделке¹³, не представляется возможным, если заранее не сделать оговорку о спорности законодательных положений. Отнесение мирового соглашения к процессуальному договору объясняется проявлением той особой процессуальной формы, которая является отличительной чертой процессуальных отношений. Это выражается в наличии тесной связи между самим мировым соглашением и судебным решением, придающим ему юридическую силу. Описание этой связи как сложного состава юридических фактов с целью вычленения в них гражданско-правовых элементов может найти поддержку только в области доктрины, а не действующего законодательства. Причем речь идет не об исправлении некоторых аспектов правового регулирования мирового соглашения, а об изменении всей системы принципов, придающих особые характеристики рассматриваемому институту в рамках отечественного правопорядка. В частности, ограничивается роль государственного суда, утверждающего мировое соглашение и наделяющего его обязательной юридической силой. Перечень ограничений диспозитивного начала настолько широк, что не позволяет относиться к нему как к «гражданско-правовой сделке, форма которой обременена требованиями процессуального законодательства»¹⁴. Процессуальный характер мирового соглашения проявляется в предъявлении требований к его содержанию, которые идентичны требованиям, предъявляемым к судебному решению (обоснованность, мотивированность, полнота, безусловность, определенность мирового соглашения), проверке государственным судом мирового соглашения на предмет выявления всех обстоятельств, препятствующих принудительному исполнению этого соглашения (дееспособность сторон, действительность и исполнимость мирового соглашения), недопустимость оспаривания мирового соглашения в исковом порядке, недопустимость расторжения его по желанию сторон. И это лишь некоторые особенности правового регулирования мирового соглашения, которые в то

¹¹ Подробнее см.: Рожкова М. А. Юридические факты в гражданском праве // Хозяйство и право. Приложение. 2006. № 7. С. 73.

¹² «Представляется, что для фиксации волеизъявления сторон, образующего мировое соглашение, содержание последнего допустимо излагать в определении суда, однако не в резолютивной его части, а в мотивировочной». См.: Рожкова М. А. Указ. соч. С. 101.

¹³ Подробнее см.: Лукасян Р. Е. Проблема интереса в советском гражданском процессе. Саратов, 1970. С. 146.

¹⁴ Рожкова М. А. Указ. соч. С. 84.

же время красноречиво говорят о наличии процессуальной формы в процессе его возникновения и существования. Предложенный М. А. Рожковой новый критерий разграничения между материальными и процессуальными соглашениями, основанный на предмете регулирования¹⁵, отрицает процессуальную форму как отличительный признак процессуальных отношений. Таким образом, внутриотраслевой принцип, применяемый для классификации гражданско-правовых договоров, переходит границы своего действия и занимает приоритетное положение по отношению к ключевым принципам другой отрасли права. Такой подход возможен лишь при существенном изменении структуры национально-правовой системы, если претендует на актуальность не только в теоретическом, но и в практическом плане.

Отсутствие единой позиции по выделению особенностей процессуальных соглашений не препятствует зачислению третейского соглашения в эту категорию. Более того, Н. Елисеев обосновывает допустимость «процессуальных договоров» допустимостью «арбитражных соглашений». Незыблемость императивных правил судебного процесса, являющаяся гарантией соблюдения интересов частных лиц и вынесения справедливого решения, с легкостью может быть преодолена путем передачи спора на рассмотрение третейского суда¹⁶. О. Ю. Скворцов видит в этом парадоксальность природы третейского соглашения и отрицание исключительного статуса государственных судов как органов, призванных разрешать споры между частными лицами¹⁷. Хотя мнения данных ученых относительно правовой квалификации третейского соглашения не совпадают, в их высказываниях четко прослеживается то большое значение, какое они придают процессуальному элементу, присутствующему в соглашении о передаче споров на рассмотрение третейским судом. Поэтому не вызывает удивления широкое распространение в российской юридической литературе представления о третейском соглашении как о процессуальном договоре. К специалистам, специализирующимся в области третейского разбирательства и придерживающимся данной позиции, можно отнести Е. В. Кудрявцеву, А. П. Вершинину, В. А. Мусина¹⁸.

Своеобразный реверанс в адрес процессуальной теории третейского соглашения делают некоторые сторонники договорной теории, когда оценивают значимость процессуальных последствий данного соглашения. Наиболее ярким представителем этого направления выступает О. Ю. Скворцов, который в своей докторской диссертации вынес на защиту тезис о неспособности третейского

¹⁵ Рожкова М. А. Указ. соч. С. 96.

¹⁶ «Если законодатель допускает возможность изъятия из компетенции государственных судов рассмотрение спора в полном объеме, то должны быть допустимы и соглашения менее радикального характера, касающиеся лишь модификации отдельных вопросов официальной судебной процедуры». См.: Елисеев Н. Указ. соч. С. 53.

¹⁷ «Парадоксальное в природе третейского соглашения заключается в том, что частные лица своим волеизъявлением по сути изменяют публично значимые нормы — нормы о подведомственности рассмотрения правовых споров (институт публичного права), устраняя при этом публичную власть в лице государственных органов от монопольного права на разрешение спора между частными субъектами гражданского оборота». См.: Скворцов О. Ю. Третейское разбирательство предпринимательских споров в России: проблемы, тенденции, перспективы. М., 2005. С. 335–336.

¹⁸ Подробнее см.: Кудрявцева Е. В. Оспаривание решений третейских судов. С. 173; Вершинин А. П. Арбитражное соглашение. С. 9; Гражданский процесс: Учебник / Под ред. В. А. Мусина, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечота. М., 1996. С. 424 (автор главы — В. А. Мусин):

соглашения порожит предпосылку следствия этого спору отводится в возникновении спора как юридическое средство регулирования исключительно процессуальных конструкций, для соглашения, может большинства воп

Описанное выше сийской судебной дается правовая к выводу о вырп текста в другой. наиболее емко и

Международный (истец) обратил тельным основным инстанции в на пропуск искоными сделок, со истцом. Суд апел ции, признал ост того, что оно бг ции государстве: Северо-Западног и вынес решение в качестве обон инстанции, ни п аснила, что тре: по смыслу, прида не порождает т о передаче спора распоряжения ст

Выводы о пр в режиме попутг дарственных ар! таких гражданс интересованност

¹⁹ «... третейское соглашение договора, поскольку прав и обязанности нимательских спор

²⁰ Постановление Фем № А56–21019/04. Та округа от 21.03.200 Северо-Западного

соглашения порождают гражданские права и обязанности¹⁹. Такой подход служит предпосылкой для утверждения о том, что все юридически значимые последствия этого соглашения имеют процессуальный характер. Материальному праву отводится вспомогательная роль, т. к. к нему обращаются лишь в случае возникновения споров относительно существования третейского соглашения как юридического факта. Вся его содержательная часть, включающая предмет регулирования, права и обязанности сторон, подлежит регулированию исключительно процессуальным правом. Таким образом, даже в теоретических конструкциях, допускающих материально-правовую природу третейского соглашения, можно найти явное тяготение к процессуальной квалификации большинства вопросов, возникающих в процессе его исполнения.

Описанное выше направление занимает доминирующее положение в российской судебной практике. Если провести анализ судебных дел, в которых дается правовая квалификация третейского соглашения, то можно прийти к выводу о выработке стандартной формулировки, переходящей из одного текста в другой. В деле компании «Alloys Trading Limited»²⁰ она выражена наиболее емко и четко.

Международная торгово-промышленная компания «Alloys Trading Limited» (истец) обратилась в суд первой инстанции с иском о признании недействительным основного договора, содержащего третейское соглашение. Суд первой инстанции в удовлетворении исковых требований отказал, сославшись на пропуск исковой давности, применяемый к признанию недействительными сделок, совершенных под влиянием насилия, как это было заявлено истцом. Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции, признал оспариваемое соглашение недействительным на основании того, что оно было направлено на нарушение исключительной компетенции государственных арбитражных судов. Федеральный арбитражный суд Северо-Западного округа отменил решение суда апелляционной инстанции и вынес решение об отказе в удовлетворении исковых требований. Причем в качестве обоснования не была использована ни позиция суда апелляционной инстанции, ни позиция суда первой инстанции. Кассационная инстанция пояснила, что третейское соглашение не может рассматриваться как сделка по смыслу, придаваемому ей статьей 153 Гражданского кодекса РФ, поскольку не порождает присущих ей гражданских прав и обязанностей. Соглашение о передаче спора на разрешение третейского суда фиксирует результат распоряжения сторон своими процессуальными правами и обязанностями.

Выводы о процессуальной природе третейского соглашения, сделанные в режиме попутных высказываний, также можно встретить в позиции государственных арбитражных судов, выраженной ими по поводу применения таких гражданско-правовых институтов, как крупная сделка, сделка с заинтересованностью, уступка права требований, одностороннее расторжение

¹⁹ «... третейское соглашение не может быть квалифицировано в качестве гражданско-правового договора, поскольку не вызывает возникновения, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей». См.: Скворцов О. Ю. Проблемы третейского разбирательства предпринимательских споров в России: Дисс. ... докт. юрид. наук. СПб., 2006. С. 16.

²⁰ Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 16.06.2005 года № А56-21019/04. Также см.: Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 21.03.2007 г. № А31-10343/2005-8; Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 05.10.2004 г. № А42-3377/04-4.

договора в отношении третейского соглашения. Исключением является только признание сделки недействительной. При обращении заинтересованной стороны к данному средству защиты, государственные арбитражные суды в большинстве случаев применяют общие нормы обязательственного права о недействительности сделок, что объясняется необходимостью предоставления стороне, возражающей против проведения третейского разбирательства, единственной возможности по защите своих интересов.

Представленный выше обзор различных интерпретаций процессуальной теории не может считаться полным без упоминания о новом течении в российской научной доктрине — «квалификации третейского соглашения как частного процессуального договора». Само словосочетание, объединяющее частноправовые и процессуальные элементы, выявляет склонность его приверженцев к радикальным способам разрешения теоретических проблем. Они идут дальше применения аналогии между процессуальными отношениями в судебном процессе и отношениями участников третейского разбирательства. Средство для разрешения всех проблем видится ими в создании самостоятельной отрасли частного процессуального права. В практическом плане это означает квалификацию всех отношений, возникающих в третейском разбирательстве как процессуальных с одной существенной оговоркой о том, что все эти отношения носят не публичный, а частный характер. Так, например, В. Н. Тарасов рассматривает вопросы правоспособности сторон третейского соглашения, формы и действительности данного соглашения как вопросы процессуального права, однако допуская применение к ним норм гражданского законодательства.²¹ Г. В. Севастьянов идет еще дальше, предлагая распространить процессуально-правовое регулирование на все отношения, складывающиеся между участниками третейского разбирательства. Такие высказывания свидетельствуют об отказе ученых от традиционных подходов и принципов, используемых при построении национально-правовой системы.²²

Окончание статьи читайте в следующем номере.

Принципы разбирательства процесса третейски

Т. А. БАГЫЛЛЫ, Пр
Арбитража при Чел
организации «Союз
член Королевского

Принципы дис
судопроизводства
доктрине. Так, М
возможность лица
движение, одно
соответствующей
позитивности гра
правило, соглас
мостоятельно ре
альными правам
к арбитражному
принципу «лица,
движение ... про
ществления пред
на возбуждение,
А. Г. Плешан
бой основопола
ресованного ли
или охраняемо
же судьбу пред
правопримените
мнению, «квали
данского и арби
третейского раз
тов процессуаль
зрения, О. Ю. С
диспозитивност
данско-процесс

²¹ Подробнее см.: Тарасов В. Н. Третейский процесс. СПб., 2002. С. 15; Севастьянов Г. В. Частное процессуальное право // Третейский суд. 2007. № 5. С. 36.

²² «Точка зрения В. Н. Тарасова может быть дополнена констатацией частно-процессуального характера всех правоотношений, складывающихся в результате использования третейского разбирательства (как одного из способов АРС), поскольку они основываются не только на договоре сторон, но и на специальном законодательстве, а также локальных актах частно-процессуального содержания». См.: Севастьянов Г. В. Указ. соч. С. 36.

* Начало см.: Трети

¹ Советский гражда

² Решетникова И. В.

Екатеринбург; М.,

³ Шерстюк В. М. При

1999. № 3.

⁴ Плешанов А. Г. Д

и практики. М., 20

⁵ Там же. С. 112.